

Николай Лейкин

Наши за границей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л33

Л33 **Лейкин Н.**
Наши заграницей / Николай Лейкин – М.: Книга по Требованию, 2013. –
474 с.

ISBN 978-5-458-16553-2

Наши заграницей: юмористическое описание поездки супругов, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых, в Париж и обратно.

ISBN 978-5-458-16553-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Вотъ видишь, ты и самъ нѣмецкія слова знаешь.

— Десять-то словъ! На этомъ не много уѣдешь. Хмельнаго я самъ попрошу по-нѣмецки, потому хмельныя слова я знаю, а остальные ни въ зубъ. Ей, херь носильщикъ! Херь—это по ихнему господинъ. Поучтивѣе, такъ, можетъ, лучше... Херь носильщикъ! Нейдетъ, подлець! Въ другой вагонъ проперъ. Неужто самому придется переть?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи! Чего-же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролѣзаетъ. Надо по одной штукѣ...

— И къ чему только ты три подушки съ собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова затекаетъ. И наконецъ, вѣдь, не знаешь, куда ѣдешь. Можетъ быть, тамъ и вовсе безъ подушекъ...

— Брось подушки. Давай, я ихъ вытащу... Ну, пропихивай сзади, пропихивай... Вотъ такъ... Вѣдь таможня здѣсь. Не стали-бы нѣмцы подушки распарывать и искать въ нихъ? Вѣдь цѣлыя перины мы притащили. Не сочли-бы за мѣшки съ товаромъ. Хоть сказать имъ, что это подушки. Какъ подушки-то по нѣмецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчасъ хвасталась, что всѣ комнатныя слова знаешь. Вѣдь подушка—комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь. Вѣдь вы и сами не знаете!

— Я другое дѣло. Я специалистъ по хмельнымъ словамъ. Вотъ въ буфетѣ я въ лучшемъ видѣ... „Бирь - тринкенъ... Шнапсъ - тринкенъ... Зейдель... фляше... бутербродъ“... и, наконецъ, я въ пансіонѣ не обучался. Нѣмецкимъ словамъ я выучился у нѣмцевъ-колонистовъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ въ лавку веревки, парусину и гвозди покупать. „Ейнъ, цвей, дрей, фиръ, фиръ рубль, цванцигъ копекенъ“. Считать по-нѣмецки тебѣ что угодно высчитаю, а другихъ словъ я не знаю. Ну, постой тутъ около подушекъ, а я саквояжи вытащу. Эй, херь носильщикъ! Нумеръ ейнъ ундъ цванцигъ! Комензи! снова началъ кричать купецъ и манить носильщика.

Носильщикъ наконецъ подошелъ, взялъ вещи и понесъ ихъ. Купецъ и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, пледъ и ватное стеганое одѣяло.

— *Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr?* спрашивалъ носильщикъ купца.

— Чортъ его знаетъ, что онъ бормочетъ! воскликнулъ купецъ. — Глафира Семеновна, понимаешь? обратился онъ къ женѣ.

— Да должно быть, на чай просить. Дай ему, отвѣчала та.

— Ну, народъ! Даже двугривеннаго не хотятъ повѣрить и впередъ деньги требуютъ. Бери, бери... Вотъ три гривенника. Не надувать сюда пріѣхали. Мы въ Петербургѣ въ полномъ довѣріи. У меня по банкамъ на полтора ста тысячъ векселей гуляетъ...

Носильщикъ денегъ не бралъ и говорилъ:

— *Macher, macher werden Sie zahlen...*

— Глаша! Не беретъ. Неужто двухъ пятялтынныхъ мало? недоумѣвалъ купецъ. — Или можетъ быть, ему нѣмецкія деньги надо?

— Да конечно-же онъ нѣмецкія деньги требуетъ.

— Дейчъ гельдъ хочешь? Дейчъ надо размѣнять. Гдѣ тутъ мѣняльная лавка? Надо размѣнять. Понимаешь? Ничего не понимаетъ. Глаша! да скажи ему по-нѣмецки, какъ васъ учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка? Сади!

— Ахъ, Боже мой! Ну, что ты ко мнѣ пристаешь-то!

— Ничего не знаетъ! А еще у мадамы училась.

— Мѣняльную лавку вы найдете въ вокзалѣ. Тамъ еврей вамъ и размѣняетъ, слышалось сзади по-русски.

Говорилъ какой-то господинъ въ войлочной дорожной шапочкѣ. Купецъ обернулся и сказалъ:

— Мерси васъ... Удивительно какъ трудно безъ нѣмецкаго языка... Ничего не понимаютъ. Будьте добры сказать этой колбасѣ, что онъ на чай въ лучшемъ видѣ получить, какъ только я размѣняю русскія деньги. Ну, вотъ... Еще мерси васъ... Извините... А какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка, чтобы я могъ спросить?

— Вексельбуде... Но еврей, который будетъ мѣнять вамъ деньги, говорить по-русски.

— Анкоръ мерси васъ... Вексельбуде, вексельбуде, твердилъ купецъ.—Запомни, Глаша, какъ мѣняльная лавка называется, а то я, въ попыхахъ-то, могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

У дверей въ вокзалѣ стояли прусскіе жандармы

и таможенные чиновники, отбирали паспорта и пропускали пассажиров по очереди.

— Эхъ, слѣдовало-бы захватить съ собой въ дорогу Карла Адамыча для нѣмецкаго языка, говорилъ купецъ.—Онъ хоть пропойный человѣкъ, а все-таки съ языкомъ. Приодѣтъ-бы его въ мое старое пальтишко, такъ онъ и совсѣмъ-бы за барина сошелъ. Только вѣдь дорога да выпивка, а ѣсть онъ самые пустяки. Положительно слѣдовало-бы его взять, и въ лучшемъ-бы видѣ онъ по-нѣмецки бормоталъ.

— Такъ отчего-же не взять? сказала жена.

— А не сама-ли ты говорила, что я съ нимъ съ кругу сбиться могу? Я на твое образованіе надѣялся, думалъ, что ежели ужъ у мадамы въ пансіонѣ училась и нѣмецкіе стихи знаешь, такъ какъ-же нѣмецкихъ-то словъ не знать; а ты даже безъ того понятія, какъ подушка по-нѣмецки называется.

— Тебѣ вѣдь сказано, что я политичныя слова знаю, а подушка развѣ политичное слово.

— Врешь! Ты даже сейчасъ хвасталась, что комнатныя слова знаешь.

— Фу, какъ ты мнѣ надоѣлъ! Вотъ возьму да на зло тебѣ и заплачу.

— Да плачь. Чортъ съ тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купецъ проталкивалъ ее впередъ.

— Пассъ! возгласилъ жандармъ и загородилъ ей дорогу.

— Глаша! Что онъ говоритъ? Чего ему нужно? спрашивалъ у жены купецъ.

— Отстань. Ничего не знаю.

— Пассъ! повторилъ жандармъ и протянулъ руку.

— Ну, вотъ извольте видѣть, словно онъ будто въ винтъ играетъ: пассъ да пассъ.

— Отдайте свой паспортъ. Онъ паспортъ требуетъ, сказалъ кто-то по-русски.

— Паспортъ? Ну, такъ такъ-бы и говорилъ, а то—пассъ да пассъ... Вотъ паспортъ.

Купецъ отдалъ паспортъ и проскользнулъ сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспортъ.

— Глаша! Чего-жъ ты?.. Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала? кричалъ купецъ.

— Да не пускаютъ. Вонъ онъ руки распространяетъ, отвѣчала та.—Пустите-же меня! раздраженно рванулась она.

— Пассъ! возвысилъ голосъ жандармъ.

— Да вѣдь я отдалъ ейный паспортъ. Жена при мужѣ... Жена въ моемъ паспортѣ... Паспортъ у насъ общій... Это жена моя... Послушайте, херь... Такъ не дѣлается... Это безобразіе... Ейнь паспортъ. Ейнь паспортъ на цвей, возмутился купецъ.

— Я жена его... Я фрау, фрау... А онъ мужъ... Это мой мари... монъ мари... бормотала жена.

Наконецъ ее пропустили.

— Ну, народъ! восклицалъ купецъ. — Ни одного слова по-русски... А еще говорятъ, образованные нѣмцы! Говорятъ, куда ни плюнь вездѣ университетъ или академія наукъ. Гдѣ-же тутъ образованіе, спрашивается?! Тьфу, чтобы вамъ сдохнуть!

Купецъ плюнулъ.

II.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, запыхавшіеся и раскраснѣвшіеся, сидѣли уже въ прусскомъ вагонѣ. Передъ ними стоялъ нѣмецъ-носильщикъ и ждалъ подачки за принесенные въ вагонъ мѣшки и подушки. Николай Ивановичъ держалъ на лодони горсть прусскихъ серебряныхъ монетъ, перебиралъ ихъ другою рукою и рѣшительно недоумѣвалъ, какую монету дать носильщику за услугу.

— Разбери, что это за деньги! бормоталъ онъ.— Однѣ будто-бы полтинники, а другія, которыя побольше, такъ тоже до нашего рубля не хватаютъ! Потомъ мелочь... На однѣхъ монетахъ помѣчено, что десять, на другихъ стоитъ цифирь пятьдесятъ, а обѣ монетки одной величины.

— Да дай ему вотъ въ родѣ полтины-то! сказала Глафира Семеновна.

— Спутила! Давать по полтинѣ, такъ тоже раздаешься. Эдакъ и требухи не хватить.

— Ну, дай маленькихъ монетъ штукки три.

— Въ томъ-то и дѣло, что онѣ разныя. Однѣ въ десять, другія въ пятьдесятъ, а величина одна. Да и чего тутъ десять, чего пятьдесятъ? Бѣда съ чужими деньгами!

Онъ взялъ три монетки по десяти пфениговъ и подалъ носильщику. Тотъ скривилъ лицо и подбросилъ монетки на ладони.

— Неужто мало? Вѣдь я три гривенника даю, воскликнулъ Николай Ивановичъ и далъ еще десять пфениговъ.

Носильщикъ плюнулъ, отвернулся и, не приподнявъ шапки, отошелъ отъ вагона.

— Вотъ такъ нѣмецкая морда! Сорокъ ихнихъ копѣекъ даю, а онъ и этимъ недоволенъ. Да у насъ-то за сорокъ копѣекъ носильщики въ поясъ кланяются! продолжалъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ женѣ.

— А почему ты знаешь, можетъ быть, ихнія копѣйки-то меньше? сказала та и прибавила:—Ну, да что объ этомъ толковать! Хорошо, что ужъ въ вагоны-то усѣлись. Только, въ тѣ-ли мы вагоны сѣли? Не уѣхать-бы куда въ другое мѣсто, вмѣсто Берлина-то?

— Песъ ихъ знаетъ! Каждому встрѣчному и поперечному только и твердилъ, что Берлинъ, Берлинъ и Берлинъ. Всѣ тыкали перстами въ этотъ вагонъ.

Николай Ивановичъ высунулся изъ окна вагона и крикнулъ:

— Эй! херь кондукторъ! Берлинъ здѣсь?

— О, ja mein Herr, Berlin.

— Слышишь? Около русской границы и то нѣмецки. Хоть-бы одна каналья сказала какое нибудь слово по-русски, кромѣ жида-мѣнялы.

— Ну, вотъ съ жидами и будемъ разговаривать. Вѣдь ужъ жида навѣрное вездѣ есть.

— Да неужто ты, Глашенька, окромя комнатныхъ словъ, никакого разговора не знаешь?

— Про ѣду знаю.

— Ну, слава Богу, хоть про ѣду-то. По крайней мѣрѣ, голодомъ не насидимся. Ты про ѣду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мѣрѣ, поняла-ли, что нѣмецъ въ таможенѣ при досмотрѣ-то спрашивалъ?

— Да онъ только про чай да про табакъ съ папиросами и спрашивалъ. Те, табакъ, папирось...

— Ну, это-то и я понялъ. А онъ еще что-то спрашивалъ.

— Ничего не спрашивалъ. Спрашивалъ про чай и про папирось, а я молчу и вся дрожу, продолжала жена.—Думаю, ну какъ полѣзеть въ платѣ щупать.

— А гдѣ у тебя чай съ папиросами?

— Въ турнюрѣ. Два фунта чаю и пятьсотъ штукъ папирось для тебя.

— Вотъ за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и съ чаемъ, и съ папиросами. А то Федоръ Кирилычъ вернулся изъ-за границы, такъ сказывалъ, что папирось ихнѣя на манеръ какъ-бы изъ капустнаго листа, а чай такъ брандахлысть какой-то. Вотъ пиво здѣсь—уму помраченъе. Я сейчасъ пару кружекъ опрокинулъ—прелестъ. Бутерброды съ колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

— Колбасная-то колбасная, да кто ихъ знаетъ, изъ чего они свои колбасы дѣлають. Можетъ быть, изъ кошекъ да изъ собакъ. Нѣтъ, я ихъ бутербро-

довъ ѣсть не стану. Я своихъ булокъ захватила и у меня сыръ есть, икра.

— Нельзя-же, душечка, совсѣмъ не ѣсть.

— Колбасу? Ни за что на свѣтѣ! Да и вообще не стану ѣсть ничего, кромѣ котлеты или бифштекса. У нихъ, говорятъ, супъ изъ рыбьей чешуи, изъ яичной скорлупы и изъ сельдяныхъ головъ варится.

— Ну?!..

— Я отъ многихъ слышала. Даже въ газетахъ читала. А нашъ жилецъ-нѣмецъ настройщикъ, что въ папенькиномъ домѣ живетъ... Образованный нѣ-нѣмецъ, а что онъ ѣсть вмѣсто супа? Разболтаетъ въ пиво корки чернаго хлѣба, положить туда яйцо, сварить, вотъ и супъ. Намъ ихняя кухарка разска-зывала. „Они, говорить, за обѣ щеки ѣдятъ, а мнѣ въ глотку не идетъ. Я, говорить, кофейными пере-варками съ ситникомъ въ тѣ дни питаюсь“. Я и рыбы у нихъ въ Нѣметчинѣ ѣсть не буду.

— Рыбу-то отчего? Вѣдь ужъ рыба все рыба.

— Боюсь, какъ-бы вмѣсто рыбы змѣи не подали. Они и змѣй ѣдятъ, и лягушекъ.

— Это французы.

— И французы, и нѣмцы. Нѣмцы еще хуже. Я сама видѣла, какъ настройщицкая нѣмка въ кор-зинкѣ угря на обѣдъ съ рынка тащила.

— Такъ угря-же, а не змѣю.

— Та-же змѣя, только водяная. Нѣтъ, я у нихъ ни рыбы, ни колбасы, ни супу — ни за что на свѣтѣ... Бифштексъ, котлета, булки. Пирогы буду ѣсть, и то только съ капустой. Яйца буду ѣсть. Тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ, видишь, что ѣшь настоящее.

— У нихъ и яйца поддѣльныя есть.

— Да что ты! Какъ-же это такъ яйца поддѣлать?

— Въ искусственной алебастровой скорлупѣ, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читаль, что поддѣлываютъ.

— Тѣфу, тѣфу! Кофей буду пить съ булками.

— И кофей поддѣльный. Тутъ и жареный горохъ, и рожь, и цикорій.

— Ну, это все-таки не поганое.

— А масла у нихъ настоящаго и нѣтъ. Все маргаринъ. Вѣдь мы съ нихъ примѣръ-то взяли. Да еще изъ чего маргаринъ-то...

— Не рассказывай, не рассказывай!... замахала руками жена.—А то я и ничего жаренаго ѣсть не стану.

Поѣздъ тихо тронулся.

— По нѣмецкой землѣ ѣдемъ. Въ царство пива и колбасы насъ везуть, сказалъ Николай Ивановичъ.

III.

Поѣздъ стрѣлой мчался отъ Эйдкунена по направленію къ Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительныя станціи, останавливаясь только на одну или двѣ минуты передъ главными станціями. Передъ окнами вагоновъ мелькали, какъ въ калейдоскопѣ,